

В осенний день, когда погода выдалась особо холодной и ветренной, Юи решила испытать чакру на двух штаммах грибка.

Два наиболее перспективных образца были взяты из заплесневелого куска хлеба из кладовой кузнеца, и гниющего апельсина, найденного ребенком. В обоих случаях наблюдался небольшой эффект ореола: вокруг грибков образовалось кольцо, в котором бактерии не размножались.

Юи пристально посмотрела на культуру, чтобы запечатлеть образ в своем сознании. Желтые и коричневые колонии бактерий окружали, но не касались белых и синих грибковых кругов в желатиновой форме. Она использовала линейку, полученную от Цубаки, чтобы измерить длину кольца: около полутора сантиметров.

Она потерла ладони, делая глубокие вдохи и очищая разум. После десяти лет практики Юи могла погрузиться в медитативное состояние, необходимое для работы с чакрой, по собственному желанию... обычно. Сегодня у нее заурчало в животе, и прошло несколько секунд, прежде чем чакра собралась в ее ладонях и зашипела; она приблизила руки к грибку и позволила чакре упасть густым, искрящимся потоком.

— Давай. — Пробормотала она тихо, словно в молитве. Юи задержала дыхание от волнения, остановила ручей света и начала быстро моргать, дожидаясь, пока в глазах перестанет рябить.

Она не увидела особой разницы. Покачав головой от собственной глупости, Юи вздохнула. В её представлении чакра — это нечто сродни магии. Но всё же не магия. Так на что она рассчитывала? Что все бактерии волшебным образом исчезнут? Даже если чакра и убила бактерии, она не могла определить это, просто взглянув на них, без микроскопа. Юи повторила процесс с другим штаммом грибка. По-прежнему никаких изменений, и линейка подтвердила это. Но в науке революции редко происходили резко, одномоментно. Наоборот, чтобы достичь нужного результата, приходилось день за днём повторять одни и те же шаги с минимальными изменениями, методично, хладнокровно. Учитывая это, Юи оставила два образца в качестве контрольных групп.

Она повторила процесс на второй день, и когда она измерила длину ореола, то заметила, что он стал длиннее в два сантиметра. Другие штаммы, подвергшиеся воздействию чакры, по-прежнему были полтора сантиметра, как и контрольная группа. Возможно, это случайность.

На четвертый день разница стала заметна. Ореолы вокруг грибков, обработанных чакрой, были в два раза больше, чем у тех, которые она не трогала. Юи подвергла штаммы стрессу. Она увеличила выработку пенициллина с помощью нечестивого союза полумертвой науки и чакры. Это... она не знала почему, но это событие напомнило ей первый день, когда она увидела чакру, когда старая Анзу разрушила ее представления о мире дюжиной зеленых искр.

— Пенициллин. — Прошептала она, глядя на грибок. Теперь её слова точно звучали словно молитва. Юи рассмеялась, а затем заплакала, после чего, наконец, вымыла лицо и вернулась к тестированию другой партии.

У нее были всевозможные предположения на этот счет, и все они были связаны с антиинфекционными свойствами чакры. Однако исследования и теоретизация никогда не были ее страстью. Она никогда не интересовалась лабораториями, испытаниями и учебниками, принимая мантию «изобретателя» только в крайней необходимости. И все же она сделала это.

Да, впереди еще много работы. Юи предстояло найти способ добывать пеницилин, увеличить производство до жизнеспособного уровня, убедить людей в его эффективности... нужно еще многое сделать, прежде чем она сможет использовать его в медицинских целях. И всё же... начало положено. Юи стала на шаг ближе к антибиотикам и современной медицине, на один шаг ближе к тому, чтобы продвинуть этот мир вперед, и она чувствовала это в глубине своей души, с радостью предвкушая лучшее будущее.

Пенициллин более не был гипотезой, навеянной знаниями прошлой жизни. Теперь он стал осязаем. И это наполнило Юи бешеной решимостью. Она не могла сама выделить антибиотик; процесс слишком сложный и дорогой. Чтобы пенициллин был выделен, люди должны были в него поверить... а для этого ей нужно познакомить людей с теорией микробов, а затем и убедить их, что именно эта теория верна. Точнее, она должна убедить доктора Макото, а уже он — своих коллег.

К счастью, у Юи было преимущество — она знала, как это произошло в прошлый раз. В этом мире уже знали, что спонтанная генерация не равнозначна точности, поэтому она могла сразу перейти к знаменитому эксперименту Пастера. С помощью Эйджи, Юи подробно изложила теорию, лежащую в его основе. В книге, которую она написала, уже говорилось о том, как кипячение воды, молока или вина предотвращает болезни и порчу. В этот раз Юи хотела объяснить, почему это происходит.

Она обмакнула перо в чернильницу, записывая шаги эксперимента, который когда-то давно, в другом мире смог доказать, что причиной болезней являются микробы, а не плохой воздух и пресловутые миазмы. Юи сделала паузу, когда ей пришла в голову одна мысль. В ее старом мире термин «пастеризация» произошел от имени человека, который открыл этот метод: Луи Пастер. В этом мире процесс назвали бы в честь Макото? Макотозация? Или, может быть, юизация? Она покачала головой, находя ситуацию забавной, и продолжила писать.

Другой ее проект был связан с запечатывающими свитками, которые дал ей Тобирама. Он сказал, что всё живое, помещенное в них, умрёт... То есть абсолютно всё? Включая микробов?

Она проверила это с помощью простого эксперимента. Как Пастер, она приготовила два герметичных стеклянных контейнера с бульоном. Первый она просто оставила в покое. Второй Юи запечатала, подержала внутри свитка пять минут и вынула. Через два дня бульон в первой

емкости помутнел и испортился. Запечатанный же оставался прозрачным, без намёка на брожение.

Юи моргнула, ошеломленная тем, как просто это было сделать. У нее получилось. В её собственности оказалась маленькая машина для стерилизации.

<http://tl.rulate.ru/book/69328/2008697>